

© 1993 г. НИКОЛАЕВА Т.М.

ПРОСОДИЧЕСКАЯ СХЕМА СЛОВА И УДАРЕНИЕ. УДАРЕНИЕ КАК ФАКТ ФОНОЛОГИЗАЦИИ

Настоящая статья является обобщением исследований и наблюдений автора, начиная с 1973 г. На протяжении этих лет экспериментальное изучение просодии славянских и балканских языков, а также попытки осознать теоретико-лингвистический статус просодических единиц языка привели к некоторой, как кажется, единонаправленной концепции, которая в полном и эксплицированном виде излагается впервые.

Конечная установка изложения — сопоставить современные экспериментальные результаты и комплекс идей языковой реконструкции. Концептуально данная статья примыкает, будучи в то же время более конкретной, к положениям, изложенным в работе [1].

Необходимо сразу же заметить, что в статье не рассматриваются вопросы генезиса так называемого музыкального, или тонального, ударения. Речь будет идти в основном об ударении вообще и о динамическом ударении — в частности.

I

С тем, что ударение априори может выражаться любым из основных акустических параметров или любым набором этих параметров, соглашались и соглашались практически все исследователи звукового строя. См., например: "Ударение можно определить как вершинообразующее выделение, реализуемое разными путями: с помощью экспираторного усиления, с помощью повышения высоты тона, с помощью удлинения, с помощью тщательной и энергичной артикуляции того или иного гласного или согласного" [2, с. 230]; "...ударение может выражаться и повышением голоса, и усилением его" [3, с. 107]; «...ударение, будь то силовое ударение или музыкальное, "интонация" ...» [4, с. 62]; "Ударение — это выделение одного слога внутри слова по сравнению с другими его слогами. Важнейшими средствами такого выделения являются интенсивность, выдыхание, высота тона и длительность" [5, с. 86] и т.д.

Это единодушие в признании параметрической вариативности выражения ударения (сознательно приводились высказывания не современные и не эксперименталистские), разделяемое и учеными самого позднего времени, не препятствует тому, что в языкознании существует два способа категоризации статуса ударения: фонологический и фонетический. Фонологический, более абстрактный, обычно представлен в трудах фонетистов, осознавших методические трудности и экспериментальные парадоксы нахождения признаков ударения в конкретном звуковом потоке. При этом подходе ударение обычно трактуется как выделение одного из слогов слова, воспринимаемое на слух. В последнее время, когда активно исследуется взаимодействие со словесным фразового ударения, в отличие от словесного не имеющего заранее данной сегментной "привязки", словесное ударение стало определяться как словарный факт, лексическое свойство слова [6]. "Ударение — это то, что отмечается в словарях" [7].

Фонетическим подходом к ударению можно назвать такой, когда ударение тоже понимается как выделение одного из слогов слова, но при этом связывается с конкретными акустическими параметрами. Фонетический подход к ударению свойствен и фонетистам и — что более сейчас сущест-

венно — историкам фонетических изменений, акцентологам и индоевропейцам в целом.

Самым общепризнанным претендентом на роль выразителя ударения в слове является интенсивность (обычно синоним экспираторности или силы). Роль динамической характеристики при выражении словесного ударения как бы настолько очевидна ("любое ударение является динамическим" — [5, с. 80], что несомненность этого привела по сути к терминологической омонимии. Речь идет о следующем: "ударение" — это и идея выделения слога в слове, концепт, это и способ этого выделения (т.е. под ударением понимается именно силовое ударение). Эта двойственность термина в синхроническом описании обычно не доставляет трудностей исследователю, поскольку конкретный контекст и знание сути дела легко эту омонимию снимают.

Более сложной и методологически необходимой для настоящей работы является квалификация статуса динамического ударения в диахронии. Здесь важным является ответ на такие вопросы: 1) существовало ли в реконструируемый период динамическое ударение вообще? 2) было ли оно параллельным с другими средствами выделения слога, например, тональными? 3) налагалось ли оно на тональные средства или располагалось в слове на другом месте? 4) если оно существовало в другой позиции, то куда же исчезало после того, когда старое музыкальное ударение в ряде языков, как известно, стало передаваться нетональными средствами?

По этим вопросам существуют самые различные мнения. Например, А. Мейе говорит о динамическом ударении достаточно глухо: "и.-е. тон сводился к повышению голоса, без заметного усиления. Нет никаких следов, чтобы в и.-е. фонетике играло какую бы то ни было роль силовое ударение" [8, с. 163--164]. Ф.Ф. Фортунатов: "Ударение в и.-е. было свободным" [9, т. 1]. У исследователей более позднего времени уже читаем о параллелизме силового и музыкального ударений в раннем периоде. См., например, у Л.Г. Герценберга: "...наряду с тонами в праязыке существовало кульминативное словесное ударение. Оно, по-видимому, падало на первый слог, не имело фонологического значения: объяснялось это тем, что первый слог был корневым, язык же был суффигирующего типа" [10]; у него же: "...ударение первоначально выделяло важную часть слова, словесное ударение и слоговые интонации не связаны" [11, с. 321]. Итак, речь идет о первом слоге слова в и.-е. как подударном. И в то же время "ясно, что связанное ударение представляет собой инновацию по сравнению со свободным и что, следовательно, реконструкция индоевропейского ударения должна опираться на языки со свободным ударением" [5, с. 89].

Итак, находилось ли ударение на первом слоге или было свободным?

Аналогичные проблемы возникают не только для языка прапериода, но и при реконструкции древнейших состояний древних языков. В ведийском языке "...ударение было музыкальным по преимуществу и характеризовалось высотой гласного" [12]. Загадкой же латинского языка является гипотетическое существование первичного "динамического ударения" на первом слоге в "праисторическом" периоде латинского языка (свидетельством этого служит фонетическое богатство первого слога, явления синкопы раннего периода и под. [13]. Таким образом, по ряду концепций, латинский язык как бы проделал круг просодического развития: динамическое ударение — квантитативно-позиционные различия — динамическое ударение позднего типа (см. об этом подробнее [14]).

Более того, та же проблема встает и для финно-угорских языков. Только то, что для и.-е. языков соотносится с отдаленным реконструируемым периодом, в финно-угорском соотносится с недавним прошлым и даже с настоящим. Так, по сути со всей группой языков связана дискуссия о месте эрзя-мокшанского ударения [15]. Согласно одной точке зрения, ударение в эрзя свободное, оно варьируется в зависимости от говорящего и в зависимости от ситуации. По другому предположению, есть слабое ударение на первом слоге,

во всяком случае — в изолированных словах. Для древнейшего прафинно-угорского состояния В.И. Лыткин восстанавливает свободное ударение

Обратим внимание на еще одно обстоятельство, связанное с реконструкцией ударения.

С.Д. Кацнельсон, занимаясь акцентологией германских языков и фонетическим воплощением акцентов, пишет о том, что «помимо словесного ударения, в шведском и норвежском языках имеется два "акцента", создающих возможность дополнительного смысловозначения в слове» [16, с. 13]. И далее он показывает, что «основными средствами фонетических реализаций акцентов являются интенсивность и тон» [14, с. 29]. Таким образом, акцент ≠ ударению, но в слове две точки выделены интенсивностью. Это в принципе верно, и повышение тона, как правило, влечет за собой динамическое усиление, которое потом может фонологизироваться, т.е. стать ударением. «Параллелизм интенсивности и тона в акцентах уже не раз отмечался исследователями», — пишет в той же книге С.Д. Кацнельсон [16, с. 21]. Именно эта верная фонетическая идея привела В.А. Дыбо к важной концепции замены архаических и.-е. тонов динамическим (силовым) ударением: «Рассмотрение типологически аналогичных систем и их сравнительно-исторический анализ показывает, что такого рода системы возникают из тоновых систем с силовым контуром, сопряженным с тонами, при фонологизации силового контура, вызванной падением тоновых различий» [17]. Эта же идея связана и с исследованием Л.Г. Гершенберга. формированием свободного ударения из тоновых сандхи [11, с. 159].

Однако за всеми этими убедительными построениями стоит неясной тенью судьба загадочного силового ударения, отдельного от словесного ударения-акцента. Если выше задавался вопрос о том, где оно размещалось, то теперь можно поставить и другой вопрос: куда же оно исчезло после фонологизации силового ударения на месте архаических тонов?

Что касается более поздней истории языка, то о судьбе этого столь привычно декларируемого силового и.-е. ударения обычно не упоминают. Или о нем «забывают», или оно — артефакт. Более того, в акцентологических работах под ударением обычно и имеют в виду акценты: сдвиг ударения, мена ударения — это мена акцентов. Между тем если быть строгим и держать в памяти положение об «отдельном» силовом ударении, то глядя на акцентивную парадигму, мы ничего не узнаем о судьбе «ударения», а узнаем только о судьбе акцентов и их рефлексов.

Можно предположить, что вся эта явная и скрытая запутанность в вопросе о диахронии силового ударения заставила А.А. Зализняка вообще избегать термина «ударение», оставляя за ним лишь четкие узкие границы: «Соответственно, термин «акцентуация» может употребляться, в частности, применительно к языку в целом (например, «праславянская акцентуация», «современная русская акцентуация»). В этом случае возможен также термин «ударение» но он уместен лишь там, где существует только один тип просодического выделения (например, «современное русское ударение», но не «праславянское ударение»)» [18].

II

Между тем, как кажется, все эти терминологические и экспланаторные трудности могут быть разрешены в рамках единой объясняющей модели, если принять в качестве нового концепта просодической теории соответствующее ему явление, которое в наших работах было названо схемой слова или просодической схемой слова (см., например [19—21]). Под просодической схемой слова понимается модель распределения сильных и слабых (т.е. максимально и минимально выраженных) точек реализации параметров просодии в пределах слова, независимых от места и способа реализации ударения.

Для большинства исследованных языков (на типологической стороне этого яв-

ления мы остановимся ниже) просодическая схема слова ограничена таким образом, что сильной точкой интенсивности является начало слова, а сильной точкой для длительностного параметра, темпоральной, является его конец.

Приведем ряд примеров, демонстрирующих объективные просодические схемы слова.

Данные итальянского языка (по работе П.-М. Берингетто [22])

Слово с начальным ударением:	+	-	-
Интенсивность	8,08	2,11	2,57
Слово с пениультимным ударением:	-	+	-
Интенсивность	6,74	4,91	3,49
Слово с конечным ударением:	-	-	+
Интенсивность	6,87	4,99	5,62

Из приведенных данных видно, что акцентная кривая слова во всех случаях остается нисходящей, но под влиянием конкретного ударения подударный слог несколько усиливается.

Продемонстрируем собственные результаты анализа языков Балкан. Анализировались слова пяти ритмических структур: $\acute{_}$ —, — $\acute{_}$, — — $\acute{_}$, — — — $\acute{_}$, — — — $\acute{_}$. Рассматривались следующие языки: румынский, албанский, новогреческий, македонский, болгарский, сербскохорватский. Ритмические структуры были подобраны единообразно: с вокальным анлаутом на /a/ и косонантным анлаутом на /b/. Там, где это оказалось возможным, анализировались пары слов, отличающихся местом ударения. Все параметрические данные, полученные в Лабораториях ИРЯ РАН, ИСАА, Университета дружбы народов, МГЛУ, Института физиологии им. И.П. Павлова РАН, регистрировались и сравнивались. Примеры пар: рум.: *ágă — agá; hába — bahă; bárem — barém; amără — amará*; н.-греч.: *ἄλλα — ἄλλᾱ; ἄμη — ἄμῃ; ἄρα — ἄρό, ἄλκη — ἄλκῃ; ἄκόπος — ἄκοπος; алб.: árme — arnë; átë — atë; босн.: Бакан — бакан; артык — артык; арка — арка; бліжа — ближă. бѳа — бѳа; бѳен — бѳен; брăва — брăва; армия — армѳ.*

Приведем обобщенный вариант фиксирования просодических параметров слова. Каждый из возможных показателей ударения нотируется как: f (высота тона), t (длительность) и i (интенсивность). Затем регистрировались данные в следующем виде. Например, если слог выражался максимумами всех трех параметров, то это передавалось как fti. Соответственно ti означало и длительность, и интенсивность, ft — высоту и длительность, fi — высоту и интенсивность, i — только интенсивность и т.д.

Конкретные показатели: цифры показывают число (в %) в тех случаях, когда интенсивность входит в число акустических параметров, характеризующих слог (стлб. 1); когда интенсивность является единственным показателем ударности слога (стлб. 2):

Румынский язык:	1	2
$\acute{_}$ —	41,8	17,6
— $\acute{_}$	36,4	0
$\acute{_}$ — —	33,3	20
— $\acute{_}$ —	66,6	9
— — $\acute{_}$	11	0

Новогреческий язык:

— —	50	28
— —	35	0
— — —	52	9
— — —	43,7	16
— — —	23,8	0

Болгарский язык:

— —	36	24,4
— —	30,2	0
— — —	36,3	90
— — —	28	0
— — —	38,4	0

Вполне очевидно, что тенденция к понижению акцентной кривой, т.е. компонент просодической схемы слова, функционирует параллельно с выделительными тенденциями ударности.

Наконец, реальность просодической схемы слова очевидным образом демонстрируют огибающие интенсивности в соответствующих интонограммах. Так, изменение места ударения не влияло на распределение сильных точек в просодической схеме слова в македонских словах *báсмен*, *арóма*, *балóн*. Это же отмечалось для албанских слов *bóre*, *baléne*, *boý*, *afró*. Явным было доминирование первого слога в двусложных словах румынского языка *bábă* и *babá*, *ágă* и *agă* и сходных с ними структурах.

Однако необходимо сказать о том, что просодическая схема слова есть некий концепт, реализующийся в виде сильно или слабо проступающей тенденции. В реальном слове тенденция сохранить просодическую схему слова и тенденция выделить динамическими средствами фонологизировавшееся ударение находится в сложных отношениях, то единонаправленности, то противодействия. Так, например, на интонограмме было видно, насколько интенсивность первого слога при *bábă* сильнее, чем при *babá*, т.е. это именно тот случай, когда увеличение интенсивности переходит через когнитивный порог и воспринимается как ударение. Но было очевидно также, что и второй слог в *babá*, становясь ударным, как бы стремится подняться, хотя и не дотягивает до первого. Напоминаем, что мы в данной работе говорим о динамических средствах и об общей теории ударения — в реальных же случаях выраженность ударения имеет много фонетических компенсаторных средств, вплоть до психофонетических.

Выделенность непервого слога — ударного через интенсивность может выражаться и в том, что, рисунок просодической схемы нарушается: ударный оказывается выше первого слога. Наконец, выделенность непервого слога может выражаться и не абсолютными показателями. Например, при структуре — — отношение первого слога ко второму по интенсивности будет 1:0,4, а при структуре — — — будет отношением 1:0,9 и т.д. Наконец, существенны и общезыковые тенденции выделять ударение сильно или слабо, т.е. будучи фонологическим фактором, на уровне плана выражения степень выделенности ударения есть факт градуальный.

Существует и типология предпочтительного параметра выражения немusыкального ударения: одни языки ориентируются на высотный, другие — на динамический, третьи — на длительностный параметр. Так, например, несомненно, что зона длительностной преференции охватывает не только русский и украинский языки, но и греческий, албанский и итальянский.

III

Очертив концепт просодической схемы слова, мы хотим снова вернуться к динамическому ударению и показать связь этих двух просодических феноменов, но уже рассматриваемых отдельно.

При изучении ударения в самых разных аспектах как бы не принимается во внимание (или забывается) тот факт, что ударение есть то, что слышно как ударение. Иначе говоря, оно проходит некий порог нашей перцептивной тренированности. Т.е. ударение слышно всем как таковое и может быть всеми в таковом качестве идентифицировано. Это — факт интроспективного языкового метасознания (возможнс, эволюционно неранний). Сильные же точки просодической схемы слова не являются еще ударными слогами, однако расположенные на них сегментные конфигурации (слоги) слышатся (воспринимаются) лучше других. Если их усиливать, то эта увеличенная "слышность" пройдет через тот порог перцепции, после которого слог уже воспринимается как ударный. Таким образом, сильные точки просодической схемы акцентогенны.

Как уже говорилось, сильной точкой интенсивности слова является начало слова, его первый слог. Фонологизация просодических явлений есть кодификация в парадигматике явлений, потенциально для этого пригодных, но градуальных по сути. Поэтому, вероятно, начало слова было усилено и в индоевропейском (см. теорию первого слога у Л.Г. Герценберга) — так, как оно усилено и в современном русском языке, и это было автоматизировано так же, как и в современном языке. Тем самым выделялось слово, очерчивалась в сознании воспринимающего его начальная граница (слово в данном случае мы понимаем широко), но слово не воспринималось как кодифицированный фонологический элемент. Смыслосоздающую функцию, видимо, выполняло тональное (музыкальное) ударение. После падения тоновых различий у языков оказывалось три возможности: 1) сохранить вообще тональные акценты; 2) кодифицировать те силовые увеличения, которые сопровождали тоновый акцент; 3) кодифицировать сильное динамическое начало, т.е., проще говоря, довести первый слог до состояния ударности. Все эти три вариации мы и имеем в общеиндоевропейском и — по группам — более узком наследии. Поскольку сейчас мы не говорим о другой сильной точке — длительностном конце слова, мы не анализируем возможности этого акцентогенного региона, но очевидно, что на его базе возникает пенультимное и конечное "ударения".

Предлагаемая нами теория, как представляется, распутывает указанные загадки с реконструируемым силовым праударением. Более того, она показывает, что по сути правы все авторы, как будто бы противоречащие друг другу. Это и идеи Л.Г. Герценберга об ударении на первом слоге, динамическом, но не несущем смысловой функции, это и мысли Р. Якобсона о так называемом "рецессивном" ударении, когда оно возникало в отдельных языках достаточно поздно, это и концепция В.А. Дыбо, выводящего позднее силовое ударение из динамического усиления при тональных акцентах (в этом смысле прав и О. Семереньи, утверждавший, что всякое ударение в конце концов "динамическое"), это и взгляды А. Мейе, сомневавшегося в наличии силового ударения в индоевропейском, и позиции тех, кто считал и.-е. ударение "свободным", поскольку в данном случае речь шла об ударении из акцентов.

Акцентогенная активность первого слога имеет место и в наши дни. Так, исследовательница типологии акцентов М. Бекман [23] определяет три любимых места размещения акцента в анализировавшихся ею языках. Это 1) начальный слог, 2) конечный, 3) предпоследний. Наша теория просодической схемы слова, как кажется, и объясняет расположение именно этих трех точек. Понятие акцентной зоны было разработано в связи с изучением размещения ударения в латинском и древнегреческом языках. Эта зона получила название "конечного ансамбля" (см. [24, 25]). Вариации расположения ударения в конечном ансамбле определяются квантитативным критерием: долготой—краткостью трех последних слогов.

Замечательной в этом плане является идея Н.С. Трубецкого о том, что в искусственном международном языке целесообразно иметь ударение на первом слоге

[26, с. 27]. С возможным в данном случае стремлением выдать желаемое за действительное можно прочесть у него, что "начальное ударение вспомогательного языка не представит затруднений и для тех народов, в родном языке которых место ударения свободно". Интересно в этой связи замечание Р.О. Якобсона о том, что при ярких эмоциях даже во французском языке возможно ударение на первом слоге: *fórmidable*.

Вообще о значимости первого слога как потенциально ударного написано очень много. Так, П. Мертене [27] показывает, что во французском языке есть два места словесного ударения: конечное и начальное, эмфатическое. В английском языке при нежелательном стыке двух ударных ударение переносится именно на первый слог: *Mississípi river* — *Míssíssipi* [28]. Даже в слабоударном грузинском речь может идти именно об ударении на первом слоге [29]. К этому же относятся, видимо, и такие явления, как "ляпанье", перенос ударения в говорах на первый слог [30]. Разумеется, акцентогенная точка слова создает условия для употреблений типа *включи́ть, при́нять, на́чать* и т.д. Кстати говоря, экспериментально важным в таких случаях было бы обращение к говорящим с просьбой расставить ударение в этих словах, в том числе и в тексте. Весьма возможно, это не совпало бы с их произнесением, что еще раз подтвердит гипотезу о раннем возникновении ударения как фонологического феномена.

Введение категории осознанной слышимости ударения обращает наше внимание и на возможное несовпадение данных экспериментального анализа и осознанного восприятия звуковых единиц человеком. Например, в трехсложном слове типа — — первый слог может быть самым интенсивным, а последний — самым длительным, однако все будут "правильно" слышать ударение в середине. Обращение к человеческой перцепции и когнитивным факторам продемонстрировало асимметрию анализа и синтеза звукового потока.

Если принять ударение как некий факт становления, как результат процесса, то можно сделать ряд серьезных выводов. Во-первых, возможно, что в ряде языков фонологизации ударения еще не произошло. Поэтому в таких языках экспериментальный анализ будет выявлять, и с весьма возможной регулярностью, точки самые интенсивные, самые длительные, самые высокие и т.д., и все же об ударении здесь говорить нельзя. Это факт языковой интроспекции носителей языка. Поэтому языки без ударения вполне возможны, как это и показывает типология. Сложные компенсаторные отношения внутри языка могут и заместить появившиеся ударения.

Во-вторых, для того, чтобы реконструировать ударение в языке древнейшего периода, нужно сначала быть убежденным в том, что в данном периоде оно было, т.е. что это был язык, где ударение уже фонологизировалось. Для подобных доказательств, бесспорно, требуется глубокая разработанность теории диахронической типологии.

В-третьих, функции ударения меняются. Во многих языках оно настолько фонологизировано, что начинает выполнять все более разнообразные категориальные функции — от частеречной словообразовательной до самой тонкой семантики: ср. (професс.) *лифты́, боле́й, компаса́* и т.д. Иначе говоря, ударение и его функция сейчас — это не то, что было даже семьсот лет назад.

Это еще раз возвращает к основной идее Н.С. Трубецкого об осознанности фонологических компонентов как воспринимаемых элементов: "... наличие в сознании каждого члена языковой общности единого языка является предпосылкой любого речевого акта... Язык существует в сознании всех членов данной языковой общности" [2, с. 7].

Необходимо обратить внимание на то, что само слово "фонологизация" имеет два значения: процесс и результат. О первом значении как-то пишут мало, считая фонологическую систему стабильной. Но эта идея процесса подчеркивается в работах Р.О. Якобсона: «Возникновение фонологического различия

можно назвать "фонологизацией" (или "фонологической валоризацией"), т.е. приобретением фонологической значимости» [31, с. 119].

Фонологизации противостоит: для сегментных единиц смешивание их в некий диффузный класс, а для суперсегментных, более сложных по интроспекции, — их автоматизированная выполняемость, неосознанность их различительной способности.

Таким образом, фонологизация может быть результатом длительной эволюции, и потому если в языках-потомках нечто фонологизировано, то в языке-источнике оно может быть еще "до-фонологизировано".

Между тем для просодических феноменов существует изначальное препятствие в их движении к фонологизации. Дело в том, что, как пишет Н.С. Трубейко, фонологические звуковые различия в отличие от фонетических не знают "переходных зон" [32, с. 33]. Просодические фонологические особенности реализации ударения характеризуются тем, что ударение, став таковым, начинает входить в привативную оппозицию: "наличие/отсутствие ударения", тогда как фонетические данные шкалированы и градуальны: "ударный слог" может по своим параметрам отличаться от неударного практически минимально. Таким образом, фонологизация ударения есть по своей сути кодификация, перевод явления в парадигматический феномен. Кодифицировать — значит усилить потенциально акцентогенные компоненты просодической схемы слова до того порога, после которого усиленное место будет восприниматься как ударение.

IV

Итак, выше было предложено различать просодическую схему слова (автоматизированный феномен, интроспективно не замечаемый), и ударение (факт воспринимаемый, когнитивно осознаваемый, перцептивно значимый). Это можно показать на самом простом эксперименте. На вопрос: "Скажите, где в этом слове ударение?" или даже: "Где Вы слышали ударение в этом слове?" средний носитель языка ответить должен. Но просьба: "Опишите движение интенсивности и длительности в слове" или вопрос: "Где в слове более громкие и более растянутые участки?", как представляется, могут быть осознаны только изолированным исследователем-специалистом.

Различие перцептивного статуса двух описанных феноменов словесной просодии строго параллельно отношению двух фразовых просодических феноменов [33]. Было предложено выделение фразовой интонации с фразовым центром и "автоматизированным" (термин И.И. Ковтуновой) оформлением и потенциально возможного выделения слова или составляющей — акцентного выделения (АВ). Акцентное выделение предлагалось считать таковым при соблюдении двух условий. Первое: оно должно быть слышимым, каждый носитель языка должен понять, где было подчеркивание, и воспринять это правильно. Второе условие, видимо, объясняется более высоким семантическим статусом высказывания в отличие от слова. Перцептивно яркое акцентное выделение создает вокруг себя дополнительную смысловую ауру, теневое высказывание: *Это был мой первый неудачный брак* (остальные тоже были неудачными); *Витя поехал в Москву* (были какие-то препятствия или колебания); *даже Петя не решил задачи* (Петя обычно решает их хорошо); *В школу пойдет папа* (а не кто-то другой, как обычно) и т.д.

В такой же степени, как трудно носителям сильноударных языков представить себе, что слово может быть без ударения, оказалось сложным представить высказывание без яркого "фокуса", столь обязательного в фонологических представлениях высказывания. Собственно говоря, возможность наличия двух гетерогенных центров в высказывании — 1) автоматизированного, показывающего терминальный контур фразы и ее коммуникативный тип, и 2) отчетливого по восприятию и демонстрирующего сознательное подчеркивание — явля-

ется сейчас в мировой интонологии наименее воспринимаемой. Так, сообщение на XI Международном конгрессе фонетических наук Н. Торсен-Гроннум [34] о том, что не во всяком датском предложении есть "фокус", а возможны простые описательные предложения без теневой семантики, было воспринято как сообщение о некоей датской экзотике. Таким образом, почему-то оказывается легче принять идею особенности языка (ср. характерную фразу английской фонетистки Э. Катлер: "In a language which has sentence accent..." [35]), чем идею нескольких функционально и формально различающихся интонационных самовоплощений.

V

Просодическая схема слова выше описывалась как треугольник с повышенным в начале и пониженным к концу движением интенсивности и движением длительности с растяжением к концу. Существует большое число данных по разным языкам в пользу универсальности этой схемы [36]. Однако примеры из тюркских и монгольских языков в ряде случаев свидетельствуют о повышении, а не о понижении акцентной кривой к концу слова. Например, А. Орусбаев пишет: "Если для русского языка типично увеличение интенсивности к началу слова, то для киргизского, напротив, характерно повышение интенсивности к концу слова. Подобное явление наблюдается и в другом тюркском языке — азербайджанском" [37, с. 8]. В целом это подтверждают Д.А. Павлов и Т.С. Есенова [38]. Они считают, что монгольские языки отличаются от индоевропейских именно повышением интенсивности к концу слова. По их данным, и слово с начальным ударным (если принять позицию об обязательности ударения) может также иметь восходящую акцентную кривую, а ударность выражать иными средствами.

Существенно то, что феномен такого рода способен оказывать влияние на территориально близкие, но не родственные языки. Отмечалось иное распределение интенсивности в русском слове в говорах, соседящих с татарскими [39]. Д. Тилков отмечает, что в болгарском языке, наряду с понижением динамической линии, есть и такие случаи, как *nípa* (18—20, интенсивность слогов в условных цифровых единицах), *nísha* (18—22), *неперѹда* (10—35—20—25), где явно имеет место восхождение акцентной кривой к концу слова [40].

Все сказанное выше относилось к интенсивности, т.е. к акцентно-динамическому феномену просодической схемы слова. Между тем в нее входит и длительность. И здесь также языки Балкан в ряде случаев демонстрируют увеличение длительности не к началу, а к концу слова. (К сожалению, мы не располагаем более широкой типологической базой данных.)

Тенденцию к долготному усилению словесного анлаута демонстрируют и сербскохорватские говоры (исследовались данные говоры по их фонетическому описанию [41]). Интересно при этом, что в кайкавских и чакавских говорах, т.е. там, где не прошел так называемый "неоштокавский сдвиг", усилена долгота предударного слога, а в штокавских говорах — усилен долготно посттоник.

Таким образом, по нашему мнению, во всем регионе осуществлялось долготное равновесие двух контактных слогов, т.е. был усилен "начальный ансамбль". В одних говорах первый слог так и оставался долгим предударным, в другом его долгота превышала соответствующий порог перцепции, необходимый для фонологизации ударения, и этот слог становился "ударным", а второй в долготном ансамбле — долгим посттоником. Вероятно, это движение к началу и было той причиной, которая приостановила для сербскохорватских говоров распространившееся движение регрессивного, т.е. правоориентированного долготного сдвига, который успел осуществить только словенский (о причинах неоштокавского сдвига см. подробно [41]).

Трудно говорить о том, случайно ли неоштокавское перемещение к началу

совпало с увеличением контакта с тюркскими элементами, хотя выше говорилось о своеобразии просодической схемы в тюркских языках. Создается впечатление, что сложным движением долготы в просодической схеме слова была охвачена значительная часть Балкан. Фонетически же в этом регионе широко осуществлялось долготное равновесие двух контактных начальных слогов, однако предположить точные топохронологические датировки слишком сложно.

Возвращаясь к нашей гипотезе, можно сказать далее, что долготное балансирование временного параметра просодической схемы слова "прояснило" в штокавских говорах первый слог до порога ударности (тоновое движение), но новый ударный не оторвался от своего контактного соседа — посттоники, в результате чего возникла двусложная структура восходящих тонов.

Таким образом, можно предложить новую терминологию, базирующуюся на классическом представлении о фонологизации. А именно — мы имеем дело не с переносом ударения, а с увеличением просодических характеристик на новом участке слова, в результате чего другой слог, с увеличенными характеристиками до нужного порога перцепции, после фонологизации становится ударным.

О причинах перестройки просодических схем слова говорить можно — они связаны с общим изменением функциональных установок языковой системы, и в частности просодии, тогда как назвать объективную причину "переносов" ударения, не выходя за плоскость непосредственной эмпирики, часто бывает затруднительно.

VI

Приняв просодическую схему слова как феномен, автономный по отношению к ударению, существенно остановиться еще на одном важном обстоятельстве. В нашем метасознании ударение обычно связывается со слогом. В просодической же схеме значимы участки слова: начало — середина — конец, напрямую со слогом не соотносимые. Иначе говоря, существует еще один вид членения звукового потока, параллельный со слоговым и им не определяющийся. Многоканальность звукового сообщения служит для этого достаточно фундаментальной опорой. Ближе всего членение на уровне просодической схемы соответствует тому членению, при котором в слове различается инициаль, средняя часть и финаль. В данной статье говорилось лишь о просодии слова, но указанные части различаются достаточно регулярно сегментным наполнением. Наиболее подробно значимость инициали для слова показана в последней монографии Л.Г. Зубковой [43, с. 197]. Вообще Л.Г. Зубковой впервые отчетливо сформулирована переплетенность в слове сегментных и суперсегментных характеристик, обусловленность первых последними.

Многолетние наблюдения эксперименталистов приводят к гипотезе о существовании некоторой промежуточной единицы между слогом и словом. Так, еще в 1876 г. тартуский ученый Л. Мазинг [44], занимаясь анализом сербскохорватских акцентов, заметил, что рисунок мелодики (тона) при восходящем акценте — / — соотносится с рисунком при нисходящем акценте ∩ так, что второй слог восходящего акцента сходен по тону с ударным слогом нисходящего акцента. Если снова вспомнить тот факт, что / появился в результате "переноса" прежнего акцента ∩ на один слог к началу (а в наших терминах — в результате увеличения показателей предударного до порога ударности), то станет ясно, как об этом и писал Л. Мазинг, что речь идет о битональной фигуре, одной по сути, но по-разному расположенной по отношению к "ударному" слогу. Именно такие битональные рисунки в зоне ударного слога были нами обнаружены для болгарского языка, от которого таким образом сербскохорватский отличается фонологизированностью этих битональных фигур. К сожалению, не была еще произведена работа по анализу лексемной закреплённости этих фигур в болгарском, что дало бы возможность понять, какова корневая дистрибуция этих фигур и достаточно ли она регулярна.

Американская исследовательница Дж. Брекенбридж-Пьерхамберт в диссертации об английской интонации [45] в качестве смыслоносителей интонации фразы обнаружила именно такие как бы спаянные битональные фигуры (LN, HL, L*N, H*L), непрямо соотносящиеся со слогами и формирующие индивидуальный рисунок высказывания на фоне основной мелодической линии (baseline).

Идея дифонного синтеза звучащей речи принята сейчас как базовая в Институте перцептивных исследований в Эйндховене (Нидерланды) (см. [46]).

Двойной компонент выявляется и для интенсивности слога. Так, в славянских языках интенсивность второго слога слова близка к первому и часто резко отличается от третьего, где наступает перепад вниз. Впервые на это применительно к чешскому языку указал в 1924 г. Ф. Травничек [48]. О двусложной структуре чешского языка писал и А.М. Селищев, представляя ее как трехсложную с двумя краткими слогами и одним долгим [49]. Можно привести и конкретные экспериментальные данные. Так, например, в структуре — — ударный был выделен, но подсчет отношения ударного слога к предударному давал приблизительно 1:0,9, а подсчет отношения ударного к заударному давал 1:0,3—0,25, т.е. ударный и предударный в этой структуре различались мало. Ср. в белорусском языке: слово *вільчыках* — интенсивность 9/8/3—1, т.е. опять объединяются два первых слога.

Что же касается длительности, можно обратиться еще к временам античности, когда было известно о значимости как минимум двух последних слогов, "конечного ансамбля". Таким образом, каждый акустический параметр слова (тон, интенсивность, длительность) вычленяет в слове некоторые участки вокруг ударения, приблизительно по протяженности соответствующие двум слогам.

*

Итак, на обсуждение предлагались следующие положения.

1) Просодическая схема слова — расположение максимумов и минимумов просодических показателей — представлена в слове как автономный феномен по отношению к ударению.

2) Просодические показатели схемы слова носят автоматизированный, неосознаваемый характер; ударение же есть осознаваемый в интроспекции метакомпонент.

3) Однако сильные точки схемы (максимумы) акцентогенны: увеличение их показателей до определенного перцептивного порога делает этот участок осознанно воспринимаемым как ударение.

4) Когда усиленный участок слова осознается как ударение, имеет место фонологизация ударения.

5) Ударение есть то, что и воспринимается как ударение, поэтому чисто фонетические показатели (поиск и нахождение максимумов) для определения ударения недостаточны.

6) Таким образом, возможно существование языков, где не имеет (не имела) места фонологизация ударения как осознанного феномена; тем самым ударения в них нет.

7) Во многих языках сильной динамической точкой просодической схемы слова является его начало, поэтому бесспорные положения о развитости фонетики и о содержательной значимости словесной инициали еще не свидетельствуют, строго говоря, что в начале слова было ударение в нашем современном понимании.

8) Фонологизация ударения может быть длительным процессом, и содержательные функции ударения могут на протяжении исторического процесса меняться.

9) Реконструкция ударения для некоторого раннего исторического периода должна быть верифицирована уверенностью (доказанностью) в том, что в реконструируемый период ударение было действительно фонологизировано, т.е. существовало как таковое.

10). Просодическая схема слова не универсальна, возможны типологически различные ее воплощения; возможны и контактные заимствования модели.

11) Просодическая схема слова не дискретизируется на слоги адекватным образом; высказывается предположение о существовании в звуковом потоке бикомпонентных единиц, промежуточных между словом и слогом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаева Т.М. Динахрония или эволюция? // ВЯ. 1991. № 2.
2. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
3. Jakobson R. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie // Jakobson R. Selected writings. T. 1. 's-Gravenhage, 1962.
4. Сэпир Э. Язык. М.: М., 1934.
5. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
6. Cutler A. Stress and accent in language production and understanding // Intonation. Accent and rhythm. B.; N.Y., 1984. P. 77.
7. Keijsper C.E. Studying neostokavian Serbocroatian prosody // Dutch studies in South Slavic and Balkan linguistics. 1987. V. 10. P. 115.
8. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 133—164.
9. Фортунатов Ф.Ф. Избр. тр. Т. 1. М., 1956. С. 444.
10. Герценберг Л.Г. Реконструкция индоевропейских слоговых интонаций // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л., 1979.
11. Герценберг Л.Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. Л., 1981.
12. Елизаренкова Т.Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982. С. 104.
13. Vendryes J. Recherches sur l'histoire et les effets l'intensité initiale en Latin. P., 1902.
14. Николаева Т.М. Фонетическая природа греческого и латинского ударения // Палеобалканистика и античность. М., 1989.
15. Ravila P. Der Akzent im Erzamordwinischen // FuF. 1973. Bd XL. Hft. 1—3.
16. Кацнельсон С.Д. Сравнительная акцентология германских языков. М.; Л., 1966.
17. Дыбо В.А. Славянская акцентология. М., 1981. С. 10.
18. Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 6.
19. Николаев Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
20. Nikolayeva T. Slavic word stress and its acoustic realization. Preprint. M., 1983.
21. Nikolaeva T. Two intensity phenomena in the word prosody // Actes du XII Congrès international des sciences phonétiques. Aix-en-Provence, 1991.
22. Bertinetto P. Struttura prosodiche dell'italiano. Firenze, 1981.
23. Beckman M.E. Stress and non-stress accent. Dordrecht; Riverton, 1986.
24. Тронский И.М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953.
25. Тронский И.М. Древнегреческое ударение. М.; Л., 1962.
26. Трубецкой Н.С. Как следует создавать фонетическую систему искусственного международного вспомогательного языка // Трубецкой Н.С. Избр. тр. по филологии. М., 1987.
27. Mertens P. Local prominence of acoustic and psychoacoustic functions and perceived stress in French // Actes du XII Congrès international des sciences phonétiques. Aix-en-Provence, 1991.
28. Shattuck-Hufnagel S. Acoustic correlates of stress shift // Actes du XII Congrès international des sciences phonétiques. Aix-en-Provence, 1991.
29. Mc Coy P. Word stress in Georgian // Actes du XII Congrès international des sciences phonétiques. Aix-en-Provence, 1991.
30. Тер-Аванесова А.В. Об одной славянской акцентной инновации // Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., 1989.
31. Якобсон Р.О. Принципы исторической фонологии // Якобсон Р. Избр. работы. М., 1985.
32. Трубецкой Н.С. Фонология и лингвистическая география // Трубецкой Н.С. Избр. тр. по филологии. М., 1987.
33. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения М., 1982.
34. Torsen-Grønnum N. Terminality and completion in Danish, Swedish and German // Actes du XII Congrès international des sciences phonétiques. Aix-en-Provence, 1991.
35. Cutler A. Prosody in situations of communication: salience and segmentation // Actes du XII Congrès international des sciences phonétiques. Aix-en-Provence, 1991.
36. Lehiste I. Suprasegmentals. Cambridge (Mass.); London, 1970.
37. Орусбаев А. Киргизская акцентология. Опыт экспериментально-фонетического исследования ударения в слове и фразе: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1971.
38. Павлов Д.А., Есенова Т.С. Фонетическая характеристика и фонологический статус гласных калмыцкого и монгольского языков // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
39. Альмухаметова З.М. Из наблюдений над поволжской интонацией // Вопросы грамматического строя русского языка. Казань, 1970.

40. Тилков Д. Някои наблюдения върху промените на интензитета при ударените и неударените гласни // Тилков Д. Изследвания върху българския език. София, 1983.
41. Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih, i makedonskih govora obučačenih Opšte-slovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
42. Николаева Т.М. Попытка фонетической интерпретации неоштокавского акцентного сдвига // Studia Slavica. М., 1991.
43. Звбкова Л.Г. Фонологическая типология слова. М., 1990.
44. Masing L. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg. 1876. VII. ser. T. XXIII. № 5.
45. Breckenbridge-Pierrehumert J. The phonology and phonetics of English intonation: Ph. D. Cambridge (Mass.), 1980.
46. Collier R., van Leeuwen H.C., Willems L.F. Speech synthesis today and tomorrow // Philips journal of research. 1992. V. 47. № 1.
47. Drullman R., Collier R. On the combined use of accented and unaccented diphones in speech synthesis // Journ. of Acoustic society of America. 1991. V. 90. Pt 1.
48. Travníček F. Příspěvky k nauce o českém přízvuku. Brno, 1924.
49. Селищев А.М. Славянское языкознание. Т. I. М., 1941.